

или мимолетных (и при том еще сомнительных) тактико-политических «kozyрей», душу нашего молодого движения: — его нравственный идеализм, его трезвую историчность, его национально-патриотический пафос, его веру в творческую силу духовного лика России и мир обновляющегося содержания русской культуры!

Сменовехизм

Я не люблю этого термина и неповинен в нем. Он был выдвинут моими европейскими друзьями и вскоре прочно привился и в эмиграции, и в России. Теперь он стал этикеткой, которую бесполезно пытаться сорвать или подправить. Бог с ней, — пусть остается!..

Ленин на XI съезде проницательно отделил подлинное зерно этого политического течения от его шелухи, густо и скороспело красившейся в коммунистические цвета¹. Помню, один из лидеров европейского сменовехизма на мои усиленные предостережения и упорные призывы заботливее хранить идеологическую самостоятельность нашей позиции, ответил мне красноречивой апологией «**мимикрии, этого исконного оружия слабых**».

С тех пор и в прессе стали поговаривать о «левом» и «правом» крыльях сменовеховства. Но ведь «мимикрия» — это тактика (на мой личный взгляд, в данном случае очень плохая), а не идеология. Идеологический же смысл течения оставался и остается поныне единым и целостным. Лучше всего он выражен нашей пражской книжкой. Появившийся же вслед за нею парижский журнал², а затем, еще более, берлинская газета в угоду мнимо тактических соображений лишь затемнили его истинный облик. Это был уже, по меткому замечанию Лежнева³, не что иное, как «размен вех»...

За последнее время в местной прессе оживился вопрос о природе сменовехизма. Коммунистическая «Трибуна» напомнила ленинский о нас отзыв на XI съезде, сопроводив его рядом собственных комментариев. Проблески некоторых новых мотивов в хозяйственной политике советского правительства, естественно, ставят в порядок дня старый вопрос о постепенной, неизбежной и разумной трансформации революционной системы.

Советская пресса официально уже давно считает этот «сменовеховский» вопрос решенным в отрицательном смысле: никакой, мол,

трансформации или, Боже упаси, «эволюции» нет и быть не может!.. Но если пристальнее взглядеться в самую эту прессу, — нетрудно заметить, что под официальными формулами кроются следы более искренних признаний.

Не будем цитировать Троцкого и троцкистов с их знаменитым возгласом о «перерождении кадров»: кандидат в «русские Дантоны»⁴ ныне, по-видимому, достаточно фундаментально взят под подозрение, на манер падшего ангела, правоверной церковью большевизма. Но нельзя пройти мимо огромного множества предупреждений, раздающихся из уст, неоспоримо безгрешных.

«Мелкобуржуазная стихия на нас давит» — ведь это, в сущности, лейтмотив современных констатирований. «Под различными ярлыками мелкобуржуазные уклоны просачиваются в нашу партию» — это стало трюизмом⁵. И каждый внутрипартийный оттенок мысли считает своим долгом упрекнуть другие оттенки именно в «перерождении», именно в «мелкобуржуазном уклонизме». И какой грех теперь распространеннее среди коммунистов, нежели «обволакивание» и «хозобрастание»?..

Следовательно, вопрос о трансформации партийного лика и советской политики отнюдь не устарел. Скорее, напротив.

Однако даже и не эта сторона дела представляется объективно интересной. Пусть партия внутренне осталась пролетарски чиста, как кристалл, — но непреклонные условия жизни заставляют ее лавировать, «маневрировать», приспособливаться, — словом, трансформировать свою политику.

Не буду повторять нашей старой подробно развитой аргументации, подтверждающей глубокое и плодотворное «поумнение» (термин Троцкого) коммунистского⁶ «Цека» за истекшие семь лет. Лучше попробую вкратце обрисовать подлинную сменовеховскую позицию в связи с теперешней ситуацией и упреками слева, против нас направленными.

Нас называют отражателями настроений мелкой буржуазии. Не будучи правоверными марксистами, мы отвергаем и соответствующие схемы, поскольку они чрезвычайно упрощают и, следовательно, искажают действительность. Вопрос идет не об интересах того или иного класса, а о благе всей страны в целом. Если бы при наличных условиях экономически целесообразнейшим было коммунистическое хозяйствование, против него интеллигенция и не подумала бы возражать. Отнюдь, таким образом, неправильно связывать сменовеховскую интеллигенцию с каким-либо определенным «классом».

Но с этой оговоркой мы готовы признать, что в мелкобуржуазной стране, каковою является теперешняя Россия, только то правительство будет воистину прочно, которое реально удовлетворит хозяйственные запросы мелкой буржуазии, т. е. в первую очередь крестьянство. Это ведь понимают и сами коммунисты. Но, понимая это, после ухода Ленина они проявляют известную робость в осуществлении взятого их вождем курса, некоторую медлительность, некоторые колебания.

Применительно к данному периоду времени Ленин был, если хотите, прав, утверждая, что «сменовеховец выражает настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев, или советских служащих, участников нашей нэп». Прибавим лишь, во-первых, что мелких буржуев в России не десятки тысяч, а десятки миллионов, и, во-вторых, что если «буржуи», приветствуя сменовеховцев, быть может, заботятся больше о своих непосредственных материальных интересах, то «советские служащие» исходят в своих взглядах из общепатриотических, национальных соображений по преимуществу. Так было, так есть до сих пор, вопреки неожиданному уверению местной «Трибуны», что за эти годы русская интеллигенция перешла от «сменовеховства» к заправскому большевизму.

Интеллигенция Советской России в подавляющей массе своей лояльна по отношению к власти. Но было бы, конечно, недопустимой для коммуниста наивностью расценивать эту лояльность как стопроцентное усвоение принципов компартии. Наиболее вдумчивые и трезвые коммунисты отлично знают цену тем «примазавшимся» интеллигентам, которые кстати и некстати спешат выразить свое «полное сочувствие» последнему правительственному распоряжению, а то даже, при случае, и «перелевить» представителей власти. Огромная же интеллигентская масса лояльна именно по сменовеховски (в истинном, не искаженном «мимикрией» смысле этого термина), а не по-коммунистически*. И кличка «буржуй» в ее сознании вовсе не является каким-то жупелом, чем-то непременно порочащим и порицательным, равно как и понятие «пролетарий».

Чтобы привести яркий образец такой интеллигентской лояльности, укажем на покойного Н. Н. Кутлера⁷. Вот подлинный, достойный пример честного спеца, делающего ради блага родины свое дело.

* Эта истина нашла авторитетное подтверждение на VII расширенном пленуме ИККИ в декабре 1926 года в заключительной речи Сталина, трижды объявившего пишущего эти строки «представителем буржуазных специалистов в нашей стране». — *Примечание Н. В. Устрялова ко второму изданию.*

И при этом совсем не норовящего суетливо перекраситься в пунцовую краску. И таких, как он, много на Руси.

Посильно отражать настроения именно этих кругов мы сочли бы для себя почетной задачей. С полнейшим равнодушием проходим мы мимо злобствующих воплей твердоголовой эмигрантщины, истерически кричащей доселе о «борьбе» с советской властью. Но, будучи искренне готовы к «полезной деятельности», к коей нас призывает «Трибуна», к самой тесной совместной деловой работе с советской властью, мы позволим себе оставаться при собственном взгляде на историческое развитие России, на будущее России, на историческую роль великой русской революции, которую мы «приемлем», но не совсем так, как это полагается по уважаемой «Азбуке коммунизма»⁸.

Милюков и эсеры тоже хотят быть выразителями интересов русского крестьянства и взглядов русской интеллигенции. Чем же сменовеховцы отличаются от Милюкова?

Они отличаются от Милюкова тем, что **отнюдь не добиваются власти**. Напрасно слева нас упрекают в тайных симпатиях к Учредилке: это совсем неверное и очень вульгарное понимание нашей идеологии, более всего чуждой фетишизму формальной демократии.

Основная ошибка П. Н. Милюкова и его друзей заключается в том, что они все еще ждут «призыва» со стороны русского мужика и строят свою тактику в соответствии с этим «ожиданием». В своей критике отдельных конкретных мероприятий московского правительства они подчас бывают и правы. Но их основоположный политический вывод («третья революция»), по нашему крайнему разумению, в корне ложен, зловреден с точки зрения интересов страны.

Милюков сам хочет оформить и удовлетворить домогательства крестьянства, свергнув большевиков, — а мы, сменовеховцы, хотим, чтобы русский мужик получил все, что ему исторически причитается от наличной революционной власти.

Ни о каких антисоветских революциях сейчас не идет и не должна идти речь. Цель и спасение в том, чтобы оздоровление страны было направлено по руслу спокойной и экономной эволюции. Просыпающаяся самодеятельность деревни может быть вполне уложена в рамки советской политической системы. Но выдвинутый нами (см. недавнюю статью Е. Е. Яшнова⁹ в «Новостях Жизни») лозунг **«свобода труду!»** ни в коем случае нельзя считать, по пролетарскому определению «Трибуны», — «интеллигентской брехней». Вне этого лозунга не построить трудового государства. Вне этого лозунга не достичь действительной, а не словесной «смычки» с крестьянством.

Конечно, свобода труда отнюдь не есть «священная свобода частной собственности» во вкусе либеральных концепций XIX века. От этих концепций прочно отказались и западные народы, всерьез перешедшие от государства либерального к «государству культурному», с широким социальным законодательством. Не о воскресении принципов частной собственности и чистого капитализма в их старомодных формах говорим мы — нет, свобода труда в нашем понимании есть не столько «естественное субъективное право», сколько объективно целесообразная «общественная функция».

Чтобы Милюков и эсеры не оказались по-своему правы, т. е. чтобы страна не погрузилась в новый океан неурядиц, руководители советской политики должны чутко учитывать потребности мелкобуржуазной массы народов Советского Союза и, согласно диалектическим урокам учителя, идти навстречу этим потребностям. **В настоящий период времени такая тактика внутри страны вполне совместима с осуществлением международно-политических, «всемирно-исторических» заданий СССР.**

Если сменовеховцы и впрямь правильно отражают взгляды интеллигентско-спецовских кругов с одной стороны, и настроения инициативных «хозяйственников» города и особенно деревни — с другой, — то ведь из этого явствует, что все «мелкобуржуазные» элементы населения ныне придерживаются именно советской ориентации, а не какой-либо другой. Но, придерживаясь советской ориентации, они, несомненно, ждут от советского правительства не политики зажимов и Нарымов¹⁰, не сплошных «департаментов препон», а резонного удовлетворения законных своих притязаний на жизнь и работу.

Ждут и — судя по многим признакам — дождутся.

Обогащайтесь!*

Ныне отпускаеши.
*Свящ[енное] Писание*²

Наконец-то!

Настоящее слово сказано, лозунг дан³. Это куда лучше еще, чем «лицом к деревне». Конкретнее, прямее, понятнее. Почти по-ленински. — Крестьяне, обогащайтесь! Не бойтесь, что вас прижмут.

* См. отзывы на эту статью: Зиновьев Г. Е. «Ленинизм», Ленинград, 1925. С. 215–218, Бухарин, «Цезаризм». С. 35–36¹.